

INSPIRIA

Шорт-лист
Букеровской премии 2021

О ТАКОМ
НЕ
ГОВОРЯТ

18+

Патриция
Локвуд

INSPIRIA

Патриция Локвуд

О таком не говорят

Серия «Loft. Букеровская коллекция»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67788069

О таком не говорят:
ISBN 978-5-04-170610-4

Аннотация

Шорт-лист Букеровской премии 2021 года.

Современный роман, который еще десять лет назад был бы невозможен.

Есть ли жизнь после интернета?

Она – современная женщина. Она живет в Сети. Она рассуждает о политике, религии, толерантности, экологии и не переставая скроллит ленты соцсетей.

Но однажды реальность настигает ее, как пушечный залп. Два коротких сообщения от матери, и в одночасье все, что казалось важным, превращается в пыль перед лицом жизни.

«Я в совершенном восторге от этой книги. Талант Патриции Локвуд уникален, а это пока что ее самый странный, смешной и трогательный текст». – Салли Руни

«Стиль Локвуд не лаконичный, но изобретательный; не манерный, но искусный. Этот роман – настоящая ирония над

иронией, но по мере развития он превращается в тихую и трогательную историю о любви и потере». – The Wall Street Journal
«Об этой книге будут говорить все». – Harper's Bazaar

Содержание

Часть первая

6

Конец ознакомительного фрагмента.

67

Патриция Локвуд

О таком не говорят

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Лене, которая была колокольчиком

Люди!

Будет!

На солнце!

Прямо!

Владимир Маяковский «Я и Наполеон»

Часть первая

Она открыла портал, и коллективный разум встретил ее на полпути. Внутри было по-тропически жарко, и шел снег, и первая снежинка метели всего, что есть, легла ей на язык и растаяла.

Дизайн ногтей крупным планом – камушек из открытого космоса – фасеточный глаз тарантула – шторм на поверхности Юпитера, похожий на персики в сиропе – «Едоки картофеля» Ван Гога – чихуа-хуа, взгромоздившийся на чей-то эрегированный член – дверь гаража с красной надписью из баллончика: ХВАТИТ! НЕ ПИШИ БОЛЬШЕ НА МЫЛО МОЕЙ ЖЕНЕ!

Почему портал ощущался таким камерным и интимным, когда тыходишь туда лишь затем, чтобы *быть везде?*

Она вертела в руках гладкий зеленый шарик стеклянного дна, искала тонкую трещинку, которая выпустит ее наружу. Такие вещи не делаются насильно. Снаружи висел плотный воздух, и тучи сбивались в комья диванной набивки, и на южной окраине неба был крошечный уголок, где хотела случиться радуга.

Потом – три глотка кофе, и окно распахнулось.

Кажется, мир переполнен уже до отказа, хе-хе, прислал сообщение ее брат, тот самый, кто под конец каждого дня уничтожал себя персональной кометой под названием «Огненный шар».

Капитализм! Было важно его ненавидеть, хотя он давал тебе столько возможностей добывать деньги. Она постепенно склонялась к позиции столь философской, что даже Иисусу было бы трудно ее принять: она должна ненавидеть капитализм, и в то же время ей никто не запрещает любить киношные интерьеры крупных универмагов.

Политика! Проблема в том, что теперь у них был диктатор, подобных которому, по мнению некоторых людей (белых), у них еще не было никогда, а по мнению других людей (всех остальных), только такие и были всегда, непрерывно,

с начала времен. Ее пугала собственная тупость – и то, как звучал ее голос, когда она говорила с людьми, еще не переставшими тупить.

Проблема в том, что диктатор был очень смешным, что, видимо, справедливо для всех диктаторов всех времен. Абсурд как он есть, размышляла она. Внезапно все эти странные русские романы, где человек превращается в ложку смородинового варенья на своей летней даче, начали обретать смысл.

Какая у нее родилась красивая фраза, яркое глубокомысленное изречение, ради которого она утром вскочила с постели, чтобы сразу его записать? Она открыла блокнот с радостным предвкушением, как всегда в таких случаях, – может быть, это наконец она, эпохальная мысль, которую выбьют на ее надгробии. Там было написано:

«chuck e. cheese» запросто может проесть дыру у меня сами-знаете-где

Когда мы умрем, размышляла она, тщательно натирая мочалкой ноги под колючими струями воды, потому что недавно узнала, что многие люди не моют ноги, когда принимают душ, – так вот, когда мы умрем, нам покажут маленькую круговую диаграмму, где будет отмечено, сколько времени жизни мы провели под душем, мысленно споря с людьми, которых никогда даже не видели. Как будто такое времяпровождение было хоть чем-то хуже постоянного тщательного мониторинга толщины стенок бобровых хаток, чтобы понять, насколько суровой будет зима.

Присутствуют ли в ее поведении стереотипии? Она очень боялась, что да.

Что было всегда:

Солнце.

Ее тело и едва заметное рифление у корней волос.

Почти музыка, разлитая в воздухе, нестройная, странная и закрученная, как разноцветные нити пряжи, разложенные в ожидании.

Заглавная песня детской телепередачи, где манекены в универмаге оживают по ночам.

Анонимные кадры на канале «Хистори»: миллионы солдат в серой форме на марше, самолеты с акульими рылами, гладкий, как шелк, взлет снарядов, ядерные грибы.

Серия «Правды жизни» о девушке, которая любила намазаться маслом, забраться в котел с овощами и представлять, что сейчас придут каннибалы и съедят ее всю. В эротическом смысле.

Почти сформировавшаяся не-мысль: По мне кто-то ползет???

Жгучий стыд за все это, абсолютно за все.

Куда подевалась прежняя тирания, тирания мужа над женой? Она подозревала, что большая часть этой энергии про-

извола была перенаправлена на диковатые идеи о пищевых добавках и на жаркие обсуждения, точно ли винил звучит «теплее» и какие из бытовых кофемашин – просто *дерьмовый привкус кофейного Христа во рту*. «Сто лет назад ты работал бы в угольной шахте и у тебя было бы четырнадцать детей, все по имени Джейн, – размышляла она, наблюдая, как муж тычет пальцем в жену в витрине с кухонной техникой. – Двести лет назад ты сидел бы в кофейне где-нибудь в Гёттингене и встряхивал бы ежедневную газету перед тем, как погрузиться в насущные вопросы дня – а я вытрясала бы перины и простыни из окна и не умела бы читать». Но ведь тирания всегда ощущалась как нечто обыденное, разве нет?

Ошибочно думать, что все остальные живут менее насыщенной жизнью, чем ты. К тому же не так уж она и насыщена, твоя жизнь.

Объем случайно воспринятой информации растет день ото дня, и воздействия этого вала еще не известны. Повсюду льется поток сетевых дневников. Стоило ли прислушиваться, например, к разговорам подростков? Надо ли было усерд-

но следить за комплиментами, которые деревенские шерифы отпускают сияющим порнозвездам, не понимая, что их комментарии видны всем остальным? А что насчет этой ветки обсуждений, где женщины выясняют, что у них у всех есть одинаковый шрам на колене? «У меня тоже есть такой шрам!» – написала белая женщина, но ее быстро и эффективно заткнули, потому что это совсем не одно и то же – она вломила без приглашения в нашу *нашесть*, и мир, в котором она получила свой шрам, – это полностью другой мир.

Каждое утро ее накрывала лавина подробностей, экзальтированных деталей: фотографии завтраков в Патагонии, девушка наносит основу под макияж сваренным вкрутую яйцом, шиб-ину в Японии скачет с лапы на лапу, приветствуя хозяина, призрачно бледные женщины постят фотографии своих синяков – нарастает давление, мир смыкается все теснее, паутина человеческих взаимосвязей становится такой плотной, что почти превращается в цельный искрящийся шелк, но день по-прежнему не раскрывается перед ней. Если ей дали возможность все это увидеть, это наверняка что-то значит?

Если она начинала кусать нижнюю губу, как бывало почти всегда после молочно-цветковой горечи утреннего кофе, она шла в ванную, где стена за окном густо заросла плю-

щом, и аккуратно красила губы вызывающе яркой красной помадой оттенка фортепьянного фетра – словно вечером собиралась пойти в андеграундный клуб, где она будет голой, как пустое пространство на месте недостающей пайетки, и сожмет все закатное облако человеческих чувств в стихотворение из шести слов.

Что-то болело в затылке. Это было ее новое классовое сознание.

Каждый день их внимание должно обращаться – как отблеск солнца на боках стайки рыб, у всех и сразу – к новому объекту ненависти. Иногда это военный преступник, иногда – просто кто-то, кто не соблюдает единственно правильную рецептуру гуакамоле. Ее саму интересовала не столько ненависть, сколько стремительная смена вектора, словно их коллективная кровь разом вскипала и принимала решение. Будто они были биологическим видом, от природы плюющимся ядом или испускающим облака черных чернил на морском дне. В смысле, вы же читали статью о разумности осьминогов? Вы же читали, как осьминоги выходят маршем из моря

на сушу, послушным и гладким войском?

«А-ха-ха!» – рассмеялась она новым смехом, каким стало модно смеяться в последнее время, за просмотром короткого видео с людьми, которых выбросило из сорвавшейся с аттракциона кабинки на ежегодной ярмарке в столице Огайо. Траектории их полета были дугами чистой радости, расчертившими воздух, их футболки как будто стекали с тел; смотрите, на что способна людская плоть, когда она уступает надлому судьбы, а потом...

«Что тебя так рассмешило?» – спросил муж, бочком присев на кресло и свесив ноги через подлокотник, но она уже прокрутила всю ветку комментариев и прочитала, что один человек скончался на месте и еще пятеро находятся в критическом состоянии, и неизвестно, выживут они или нет. «О боже! – прошептала она, когда поняла. – Господи боже, нет!»

Каждый вечер, ровно в девять часов, она отбрасывала свой разум. Отвергала его, будто веру. Отрекалась, как от престола, во имя любви. Она шла к холодильнику, открыва-

ла его и вдыхала прохладную свежесть, оставляла влажные отпечатки на запотевшем горлышке бутылки и наливала что-нибудь в стакан, всегда прозрачный и кристально чистый. В эти минуты она была счастлива, хотя и тревожилась каждую ночь – как никогда не бывает со знанием, – точно ли этого будет достаточно.

Внутри портала какой-то мужик, три года назад постивший только пошлятину вроде: «Я дебил с хроническим геморроем», – теперь призывает сограждан открыть глаза и проникнуться идеями социализма, который вдруг оказался единственно верным из всех путей.

Ее местоимение, с которым она никогда и не чувствовала особенной близости, уходило все дальше и дальше прочь от нее на портале, несло сквозь пространства *нас* и *его*, *мы* и *они*. Иногда оно возвращалось, садилось, почти невесомое, ей на плечо, как попугай, повторяющий каждое ее слово, но больше никаким боком не связанный с ней самой – попугай, доставшийся ей от ныне покойной прибабахнутой тетки, завившей на смертном одре: «Справляйся как можешь!»

Но в основном все сводилось к *ты, тебя, с тобой, о тебе*, до тех пор, пока она не переставала понимать, где кончается она сама и начинается вся остальная толпа.

Мы все видели легендарную фотографию, где моряк целует медсестру на Таймс-сквер в Нью-Йорке в день победы над Японией. Мы все ее видели и думали, что понимаем смысл запечатленного на снимке мгновения – но теперь эта женщина, девушка с фотографии, вышла из тени молчания и заявила, что не знала этого человека и что ей было страшно, когда он, совершеннейший незнакомец, ее целовал. И только тогда ее левая рука, смазанная в трепещущее пятно, неудобный залом ее спины, локоть моряка, давящий ей на шею, сразу становятся очевидными. «Я его видела впервые в жизни», – заявила та женщина, но вот же он – на фотографии, вот же он – в нашем сознании, держит ее, как победу, и не отпустит уже никогда.

Разумеется, именно те, кто называет себя просвещенными людьми, тырят больше и чаще всего. Они первыми осва-

ивают новый сленг. Чтобы показать... что? Что они не такие, как все? Что они знают, что именно надо красть? Да, на них всегда больше вины. Но вина не стоит вообще ничего.

Появилась новая игрушка. Все над ней потешались, но затем стало известно, что ее придумали для аутистов, и больше никто над ней не потешался, зато теперь потешались над теми, кто смеялся над нею сначала. Потом кто-то нашел в каком-то музее каменный «прототип» возрастом в миллион лет, и это вроде бы что-то доказывало. Еще кто-то выяснил, что происхождение этой игрушки как-то связано с Израилем и Палестиной, и все заключили негласное соглашение вообще о ней не говорить. Все это произошло в течение четырех дней.

Она открыла портал. «Мы все так и будем вот так трепыхаться до самой смерти?» – спрашивали люди друг друга, как прежде спрашивали: «Мы уже в аду?» Нет, не в аду, размышляла она, а в некоей приемной, где горят флуоресцентные лампы, и разложены давно устаревшие журналы, и люди ждут, когда можно будет войти в память истории, и скраши-

вают ожидание, листая древние номера «Родителей Луизианы» или «Иллюстрированного коневодства».

Именно в этом пространстве, где мы пребывали на грани потери тел, тела становились предельно важны, именно в этом великом плавильном пространстве нам было важно, как правильно говорить: *лимонад* или *газировка*, – и как готовила твоя мама, с чесночной солью или с измельченными дольками настоящего чеснока, и чем украшены стены у тебя дома, оригинальными произведениями искусства или фотографиями всей семьи, сидящей на бревнах на фоне бутфорских фонов, и есть ли у тебя оранжевый пластиковый контейнер. Тебя увеличивали, как картинку, до рассыпчатой зернистости, тебя выносило в открытый космос; это было братство людей, но вместе с тем мы еще никогда не были так далеки друг от друга. Ты все увеличивал и увеличивал это теплое зернышко, пока оно не превращалось в холодный пиксель луны.

– Что ты делаешь? – спрашивал муж тихо и как бы с опаской и повторял свой вопрос вновь и вновь, пока она не обра-

щала к нему пустой взгляд. Что она *делает*? Он разве не видит, что ее руки полны сапфиров мимолетных мгновений? Он разве не знает, что сегодня какой-то мужчина-феминист выложил в Сеть фотографию *своей* голой груди?

Она прославилась простым, коротким постом: *Бывают ли у собак близнецы?* Только и всего. Бывают ли у собак близнецы? Уже дошло до того, что подростки шлют ей в комментариях эмодзи с плачущей рожицей. Они еще учатся в школе. Они запомнят «Бывают ли у собак близнецы?» вместо даты заключения Версальского мира, которую, если уж начистоту, она не знала сама.

Тем не менее именно этот пост принес ей известность. Со всех концов света ее приглашали выступить с лекцией, рассказать – голосом, словно идущим из облачного хранилища, – о новых способах коммуникационного взаимодействия, о новом течении информации. Она сидела на сцене рядом с мужчинами, больше известными по интернет-никам, и женщинами, рисовавшими себе брови так контрастно и густо, что они выглядели совершенно безумно, и пыталась

объяснить, почему объективно смешнее писать «чиххатъ» с двумя «х». Это было не то чтобы очень похоже на реальную жизнь, но в наше время ничто на нее не похоже.

В Австралии, где она почему-то была особенно популярна, она сидела на сцене под плавающими прожекторами с собратом-экспертом по интернету, который явно гордился своим канадским происхождением и зримо зализывал волосы гелем по 32 доллара за тюбик. Он говорил убедительно и интересно, хорошо разбирался во многих предметах, но он был в кибер-штанах вроде тех, что носили мы все в те далекие времена, когда искренне верили, что лихо прокатимся по интернету, как на скейтборде. Он никогда не снимал кислотных рейверских очков, словно защищаясь от слепящего света киберпространства, исходившего от солнца, которое он постоянно носил с собой, всегда точно на линии взгляда, и это солнце было звездой будущего, вставленной в старую костяную глазницу неба.

«*Чиххатъ*» смешнее, да?» – спросила она у него.

«Безусловно, – ответил он. – «*Чиххатъ*» по любому смешнее».

На выступлениях в нее вселялся, как она его называла, демон лицедейства – абсолютно отдельная личность, к которой у нее не было доступа во все остальное время. Она, эта личность, была не только внутри, но и немножко снаружи; она высекала из ее тела картинные жесты, как искры из огнива. Каждый раз, когда она смотрела свои выступления в записи, ее обуревал тихий ужас. Кто эта женщина? Кто ей сказал, что ее можно выпускать к людям?

«Проблема! – Она говорила воинственно, как малоизвестная суфражистка. К туши на ресницах прилипла какая-то иноземная мошка, во рту ощущался вкус кофе, который в Австралии все время варят по-разному и ставят выше латте. Публика в зале смотрела на нее ободряюще. – Проблема в том, что мы стремительно приближаемся к тому моменту, когда все наши ругательства будут включать в себя фразы вроде *«Не долби мой дофамин, вебсайт!»*».

Почему она выбрала полное погружение в портал? Она точно знала, что это связано с цепным ребенком во дворе. Ее прабабушка, ипохондрик, каких поискать, держала своего первого сына во дворе перед домом, на привязанной к столбу цепи, чтобы всегда видеть в окно, чем он занимается. Она предпочла бы иное происхождение по материнской линии – женщины-авиаторы, разбитные любительницы джаза, международные шпионки, все было бы лучше, – но у нее был только цепной ребенок во дворе, и ее это не отпускало.

Кажется, в каждой стране есть газета под названием «Глобус». Она покупала эти газеты везде, куда бы ни приезжала, клала на прилавки свои канадские доллары, фунты и кроны, но часто бросала их недочитанными ради сиюминутности портала. Потому что, когда ты читаешь новости – ежеминутно, строчку за строчкой, – тебе всегда хочется высказаться о текущих событиях, разве нет? Тебе хочется высказаться о текущих событиях, даже если это всего лишь ЧТО?!

Даже если это всего лишь ГЫ!

Это было такое пространство, в котором она знала, что должно произойти; где она всегда выбирала верную сторону и правильное направление; где вся вина лежала на ходе истории, а не на ней; где она не читала не тех писателей, не воодушевлялась идеями не тех вождей, не ела мяса не тех животных, не аплодировала на корриде, не называла годовалых детей годовастиками, не верила в фей, духов и спиритическую фотографию, а также в чистоту крови и предначертания судьбы; не делала лоботомию своим дочерям и не посылала своих сыновей на войну; где она не подвергалась влиянию течений, волн и штормов умонастроений своего времени – что обычно доступно лишь гениям, но даже гении бьют своих жен, бросают детей, щипают служанок за задницы, в принципе имеют прислугу. Она наблюдала, как век приближался к концу, и знала, чем все обернулось. Все решили суровые небеса в длинной черной судейской мантии, и она проплыла поверх этих небес, и увидела все-все-все, в перемотке от настоящего к прошлому, и отвернулась в испуге перед собственным ослепительно-ярким днем.

– Колониализм, – прошипела она, обращаясь к красивой колонне, и экскурсовод посмотрел на нее с беспокойством.

Каждая клеточка в ее теле звенела от напряжения. Она пыталась возненавидеть по-лицию.

«Начните с малого и постепенно наращивайте обороты, – подсказала психотерапевт. – Для начала попробуйте возненавидеть полисмена Биг-Мака, классового предателя, не дающего другим обитателям «Макдоналдса» получить те гамбургеры, которые им нужны. Но, когда грянет переворот, мы отдадим бургер его головы на съедение – за все его злодеяния». Но этот совет только обескуражил ее еще больше. Ее *психотерапевт* была радикальнее ее самой?

Все дело в том, что ее отец был полицейским, известным тем, что подвергал совершенно излишнему обыску с раздеванием старшеклассников из той же школы, где училась она, его дочь, – тех, кого он останавливал за вождение в пьяном виде. Это означало помимо прочего, что ей было непросто обзавестись ухажером. А если какой-нибудь ухажер все-та-

ки появлялся, сразу подразумевалось, что она будет главной в их паре.

В детстве она часами не могла уснуть, одолеваемая одним-единственным вопросом: *как сами французы понимают, что они говорят?* Однажды она спросила у мамы, и та тоже не знала. Получается, проблема была унаследованной.

потеряла способность учиться, загуглила она поздно ночью. потеряла способность учиться с тех пор, как лишилась девственности.

У нее было тайное удовольствие: фразы, которые понимает лишь половина всего населения Земли, а лет через десять и вовсе никто не поймет.

жуткие британские ведьмины ямы

секс на луне будущим летом

что значит «сючка»?

что значит «опустить в кукурузину»?

такова стоимость моего веганского обеда

штаны горят нога болит

У нее онемела подушечка указательного пальца. Так ухо становится розовым, мягким и волглым, в окружении влажных узоров из тонких завитков волос, когда слишком долго болтаешь по телефону.

Иногда, когда она повторяла себе под нос слова *нет, нет, нет* или *помоги, помоги, помоги*, муж подходил к ней со спины и клал руку ей на затылок, как викторианская нянюшка. «У тебя творческий кризис?» – спрашивал он, и она молча кивала и прибегала к верному способу выйти из ступора: наугад красивые фотографии жареной курицы – может быть, потому, что сейчас это становится основным женским занятием.

У него не было этой проблемы, в нем не росли метастазы слова *больше* и слова *еще*. Он всегда брал ровно столько, сколько необходимо, и ему было достаточно. Однажды она спросила, что он хотел бы съесть перед смертью, и он сразу ответил: «Банан. Не хочу умирать с тяжестью в животе».

Сто лет назад она назвала бы кота Пушком или Царапкой. Сейчас она назвала его Доктором Вжопедыра. Без вариантов. «Доктор Вжопедыра», – звала она по ночам, почти в отчаянии, пока он не подходил к двери с яркими перьями ее человеческой гордости в пасти, а потом исчезал за порогом полосатой волной.

Небо в Бристоле истекало медовым закатом. «И это ваш вклад в развитие общества?» – спросил какой-то мужчина, потрясая распечаткой ее поста «*Бывают ли у собак близнецы?*».

«Да», – сказала она тонким голосом. Ей хотелось добавить, что она очень активно пропагандировала идею «сур-гучного маникюра», когда наносишь на кончик ногтя большую неаккуратную красную кляксу, что, в свою очередь, подготовило почву для «мании 1776», ироничной эстетики, воспринявшей внешнюю атрибутику отцов-основателей, но тот мужчина уже отвернулся, скривившись от отвращения, разорвал пополам лист с распечаткой и ушел восвояси. Может быть, и хорошо, что ушел. Англичанину ее объяснения наверняка показались бы несмешными.

Уже потом в очередь тех, кто хотел пообщаться с ней лично, встал молодой человек с тонкой мальчишеской фигурой; он встал последним и дождался самого конца. «Я читал ваш дневник», – сказал он, когда подошла его очередь, и ее глаза заблестели от слез. Дневник, который она вела, когда с ней еще ничего не случилось! Дневник, где она отпускала такие шутки, за которые в нынешние времена могут запросто уволить с работы!

«Какое у вас было имя?» – спросила она, и он ей сказал, и в ее венах вскипел тихий восторг. Она тоже читала его дневник, его жизнь была одной из ее любимых. Она помнила все до мельчайших деталей: пинты пива после работы, поездки

туда-сюда на электричке, его поиски самого острого карри, воображаемый сумрак, царивший в его квартире, заставленной ящиками с редкими записями давно позабытых исполнителей, зеленоватая зыбкая нежность всего, что есть. Она поднялась и обняла его, не смогла удержаться. В ее руках он был хрупким и ломким, как канал связи.

Наши мамы вечно шлют нам эмодзи с неприличным подтекстом. Подмигивающий смайлик с высунутым языком – на день рождения, длинные ряды из трех голубых хлещущих капель – когда идет дождь. Мы говорили им тысячу раз, что не надо так делать, но они нас не слушают. Пока они живы и любят нас, наши мамы, которые разрывали себя, чтобы прозвонить нас на свет, так и будут слать нам виртуальные персики в персиковый сезон.

НЕ НАДО СЛАТЬ МНЕ БАКЛАЖАНЫ, МАМ! – написала она в ответ на мамино сообщение. **МНЕ НЕИНТЕРЕСНО, ЧТО ТЫ ГОТОВИШЬ НА ОБЕД!**

В парке на скамейке рядом с ней две женщины обсуждали

мощь солнечного затмения. Темой их обсуждения был вопрос, можно ли от него ослепнуть. Можно ли ослепнуть, если выйти на улицу во время солнечного затмения и смотреть только в землю? Может ли ослепнуть собака, если ты выведешь ее на прогулку? Надо ли задергивать шторы, чтобы домашняя кошка случайно не выглянула в окно? Можно ли ослепнуть, робко спросила одна из женщин, глядя на *фотографию* солнечного затмения? На картину с изображением солнечного затмения, на текст с подробным его описанием? Если ты вдруг ослепнешь, будучи очень и очень старым, как ты поймешь, что именно вызвало слепоту: возраст или солнечное затмение? Шедшее рядом с тобою, бок о бок, в черно-пламенной тишине, и дожидавшееся своего часа.

Разумеется, когда случилось солнечное затмение, диктатор смотрел прямо в небо, чтобы показать всем и каждому, что даже природа над ним не властна.

Было трудно понять, какая форма протеста против нынешнего режима будет наиболее действенной. На следующий день после выборов ее муж проснулся с неодолимым

желанием набить на лице татуировку. «Либо слезинку под правым глазом, либо череп на все лицо». В итоге он остановился на слове ХВАТИТ! очень мелкими буквами прямо под линией роста волос, где его было почти и не видно.

В память о жертвах терактов 11 сентября постоянльцам отеля будет предложен бесплатный кофе и мини-маффины с 8:45 до 9:15

Раньше эти сообщества нам навязывали извне, вместе с их внутренней атмосферой. Теперь мы выбираем их сами – или думаем, что выбираем. Ты регистрируешься на сайте исключительно для того, чтобы смотреть фотографии своих племянников, а лет через пять уже веришь в теорию плоской земли.

Вот что странно: стало появляться все больше и больше историй об охотницах за нацистами, о женщинах, которые заманивали нацистов в глухие леса обещанием секса и там

их убивали, о женщинах, раздевавшихся догола у ворот Освенцима, чтобы отвлечь охранников, а потом вырывавших у них автоматы одним проворным нагим движением. Где были эти истории в ее детстве? В историях ее детства люди в основном прятались на чердаках и ели по одной картофелине в неделю. Но *эти* истории с обещанием секса и убийствами в глухих лесах, они бы представили все в ином свете.

«MySpace» был целой жизнью, – чуть не расплакалась она в книжном магазине в Чикаго, и люди, пришедшие ее послушать, тут же представили себе фотку парня в белой футболке, с улыбкой глядящего через плечо, и у каждого в голове включилась любимая музыка. – А теперь все потеряно, все потеряно, все!»

В Торонто человек, с которым она плотно общалась в портале, теперь говорил с ней вживую – голосом, в котором явно присутствовали модные интонации. «Одно время я постил в Сеть свои яйца. Выкладывал обычные фотки гаража или кухни с мудями на заднем плане, потихонечку увеличивая их количество». Она подумала, что первый ответ на подоб-

ное заявление должен был быть таким: *Зачем ты так делал?* Но она почему-то приняла как должное, что на каком-то этапе развития человеческой цивилизации у кого-то могут возникнуть вполне убедительные причины, чтобы выкладывать в Сеть свои яйца, потихонечку увеличивая их количество. Она посмотрела на его ноги; он был в ковбойских сапогах, по приколу, как иногда по приколу выкладывал свои фотки в огромной ковбойской шляпе и подписывал их: «Я – ковбой». Он был одним из тайных творцов нового коллективного чувства юмора; голос, который она сейчас слышала – тихий и близкий, – уже разнесся пожаром по всему миру.

«Как-то вечером я пошел в бар, где встречались местные блогеры, – продолжал он. – Ко мне подрулил какой-то чувак и вручил визитку с печатной надписью: *Я видел твои яйца*. Он не сказал ни единого слова. И в ту же секунду, как по команде, его приятеля стошнило в мусорное ведро».

«И я подумал, что смешнее, наверное, уже ничего не будет».

Принесли еду, оказавшуюся отвратительной, но так и было задумано: они нарочно заказали самое худшее, что есть в меню, по приколу. «Об этом надо писать, – сказала она, наклонившись вперед, словно под сильным ветром. – Напиши. Но пусть это будет что-то такое... как у Джейн Остин: что-то сказанное за завтраком над тарелкой с холодной бара-

ниной, фатальная ошибка в кадрили, шелест перьев в гостиной». Бледные оттенки лилового, волосок, расщепленный до ДНК. *Социальный роман.*

Она смотрела на его профиль и видела в нем конечную точку цивилизации, полыхающую огнем: корабли на просторах Атлантики, морская болезнь наших предков над бурлящими зелеными водами, тот факт, что он выглядит точно как его сын, чьи фотографии он иногда выкладывал на портале. Если об этом никто не напишет, размышляла она, как мы тогда сохраним их для будущего – ощущения человека на стыке веков, когда он постит в Сеть свои яйца, потихонечку увеличивая их количество?

Уже на выходе, словно в тумане, она вспомнила, что видела эти фотки, давным-давно, мельком и мимоходом. Но момент был упущен. Об этом надо было сказать раньше. Он закурил, и она тоже взяла сигарету, чисто по приколу, и сказала ему: «Они все понимают неправильно, да? Уже сейчас, когда люди пишут об этом, они все понимают неправильно».

«О да», – сказал он, медленно выпуская дым из ноздрей, по приколу, и его тон явно подразумевал, что она тоже поняла все неправильно.

Целые субкультуры рождались на форумах, где люди обсуждали свои симптомы кандидоза – в любых его проявлениях. Ты натыкаешься на такой форум совершенно случайно совсем поздней ночью, когда лениво печатаешь в окне поиска: почему я все время такая усталая, почему я уже не могу выучить наизусть семиминутный монолог, почему мой язык не такой ярко-розовый, каким был в детстве. (На самом деле в три часа ночи в голове остаются лишь два вопроса: *Я умираю?* и *Меня кто-нибудь любит?*) Ты находишь форум страдающих кандидозом – светящийся у обочины ночного шоссе бессонницы и сулящий теплый прием, – заходишь внутрь, распахнув манящие створки дверей, и они тут же захлопываются у тебя за спиной. Ты быстро учишься кандидозному языку; что начиналось с податливой и упругой словесной игры в скором времени превращается в застывший жаргон, потом – в доктрину, а затем – в догму. Твое поведение неуловимо меняется, чтобы избежать унижений, порицаний и дисциплинарных взысканий на форуме страдающих кандидозом. Ты пытаешься предугадать аргументы своих оппонентов, споришь с ними под душем, тщательно промывая волосы, тусклые и ломкие от кандидоза. Если на форуме страдающих кандидозом появляется гений харизмы – кто-то, кто подвигает всех остальных к ранее недоступным высотам ри-

торики, импровизации и остроумных ответных реакций, – на форуме может родиться новый жаргон, который поначалу будет непонятен вообще никому из посторонних, а потом превратится в единый всемирный язык.

Также не исключен вариант, что ты бросишь мужа ради этого парня.

Следующим утром ты просыпаешься совершенно разбитая – в глаза как будто сыпанули песка, язык еще менее розовый, чем накануне, – и люди, скользящие мимо тебя на работе, кажутся менее реальными, чем живая и яркая ветка дискуссии на форуме страдающих кандидозом, которого, может, и не было вовсе.

Фотография древесной лягушки недавно открытого, ранее неизвестного науке вида. Ученые предполагают, что причина, по которой ее не обнаружили раньше, заключается в том, что (цитата) «она вся в бородавках и хочет, чтобы ее оставили в покое».

я

я

ЭТО Я

как я ее понимаю

Многое опустилось на дно, и бурный поток коллективно-го разума сомкнулся над этим многим, и то, что прежде было повсеместным, теперь позабылось. Например, был поэт, который собрался пройти пешком через Америку, босиком, чтобы привлечь внимание широкой общественности к проблеме глобального потепления – и как он себе это мыслил? Однако слова «*глобальное потепление*» звучали у нее в голове каждый раз, когда его имя всплывало в портале. Каждый день он выкладывал в Сеть новую фотографию своих босых ног, и она наблюдала, как разрастались и лопались поначалу невинные волдыри, как нарастала на коже темная корка асфальтовой пыли, как сходили ногти на пальцах. У него плоскостопие, каждый раз думала она и представляла его улыбающееся лицо – неизменно размытое, будто не в фокусе, – в обрамлении сваявшихся в дреды волос. Он носил очки в тонкой металлической оправе, какие обычно бывают у телепроповедников, и почти всегда надевал повязку на лоб и ярко-оранжевый сигнальный жилет. Он шагал босиком по горячим обочинам своей страны, под бесконечной прокрут-

кой облаков на небесном экране, он шел вперед. *Глобальное потепление*. А потом его сбил внедорожник на скоростном шоссе, и с тех пор больше никто не видел его босых ног. Черная корка пройденных миль, слезшие ногти, наросшие мозоли, сам смысл их миссии выпал из кровотока *здесь и сейчас*. Погиб человек, она никогда не встречалась с ним лично, и все же она увеличивала масштаб в дюжину раз, вглядываясь в текстуру его ран, как вглядывалась бы в краски заката, который было бы жаль не увидеть, но выходить ради него на улицу было лень. Вот как-то так.

Смотри, написала ей сестра. Если у человека поднимается температура на пару градусов... Это называется жар, и если он держится больше недели, можно и умереть. Теперь представь моря и океаны. У них жар уже много лет... жуть

Ее сестра, на пять лет младше, жила жизнью на 200 процентов менее ироничной, чем она сама, что позволило ей совершенно всерьез провести будуарную фотосессию, где она позировала полуголой, потягиваясь, выгибаясь и расхаживая

вая, как тигрица, по всей бежевой саванне своего пригородного дома. «Эти снимки понадобятся мне потом, когда у меня будут дети, – объяснила она. – Они понадобятся мне потом, лет через пятьдесят, когда я стану уже совсем старой». Сестра так искренне верила, что непременно наступит такое время, когда старые бабушки – в домах престарелых, в креслах-качалках, на нетающих плавучих льдинах в открытом море – будут всю предаваться воспоминаниям о своих крепких задницах и красивой груди, что на миг *она* тоже поверила в будущее. «Можно я выложу фотку, где ты стоишь у окна в одних прозрачных стрингах и бейсболке «Цинциннати Бенгалс»?» – спросила она, и сестра, чья любовь была безусловной, ответила «да».

Развал и хаос достигли такого масштаба, что люди перестали интересоваться собаками знаменитостей. Никто не знал, насколько они миниатюрны, какие у них наряды и помогла ли капельница собачке, чуть не задохнувшейся в душевой горячей сумке. Недавняя эра, когда все разглядывали фотографии знаменитостей, одетых в велюровые спортивные костюмы и убирающих какашки за своими питомцами с помощью сложенной совочком ежедневной газеты, теперь представляется периодом небывалой роскоши, легкомыслия, почти граничащего с просвещенностью, – теперь,

когда все уже сказано и все уже сделано, она представляется *лакомой*.

Полицейский склоняется к окну у водительского сиденья, полицейский срезает угол, проезжая прямо по зеленому газону; локоть полицейского, сжимающий чью-то шею, угол сгиба повернут к объективу камеры. Небо дергается, опрокидывается набок, и вот мы все вместе уже лежим на мостовой. Красные шеи полицейских, щетина на головах полицейских, как россыпь песчинок, темные очки. Натужное, назойливое дыхание полицейских – они-то уж точно не перестанут дышать. Гладкий пластик дубинок, прозрачные щиты, непреклонный ход бронемашин, мышечные подергивания у нее на лице, где она когда-то улыбалась полицейским...

Каждый день появлялось новое имя, и убитый всегда был мужчиной. За исключением тех случаев, когда это был двенадцатилетний парнишка, или чья-то бабушка, или малыш в детском манеже, или женщина из Австралии, или... Кадры с мгновением убийства расходились в портале, как рябь по воде, их пересматривали по сто раз, словно от многочисленных повторов что-то могло измениться. Иногда, глядя на лица, она проводила кончиком пальца по линиям их носов, губ и глаз, словно пытаюсь запомнить кого-то, кого уже нет

и не будет и о ком она знала лишь потому, что они окончательно и бесповоротно исчезли.

Миллион шуток о том, как бы вернее сбежать в параллельную реальность – собственно, мы уже существуем почти что в параллельной реальности, и нарастает ощущение, что происходящее вокруг происходит не с нами, а с кем-то другим, где-то еще. Это были скорее мечты, а не шутки, потому что эта реальность казалась необратимой и неизбежной. Когда она попыталась к ней прикоснуться, реальность вздрогнула и покачнулась, и на кончиках пальцев осталась какая-то вязкая влага, похожая на аптечную интимную смазку – смазку, которая не подходит для того секса, которым ей хотелось заняться. Потому что теперь этот секс считался противозаконным.

Она начала набирать: «Гигантская пробка из жира, влажных салфеток и презервативов терроризирует лондонскую канализацию», – и ее руки вдруг как будто смазались, утратив четкие очертания, и ей пришлось прислониться затылком к прохладной стене. Что вертелось в головах у людей

предыдущих поколений вместо подобных фраз? Наверное, фольклорные песни о посадках репы.

«В пятидесятые мы были бы домохозяйками», – ее подруга пожала плечами, забывая похмелье горкой каких-то прощенных зерен.

«В пятидесятые я состояла бы в женской преступной банде и носила бы прозвище вроде Кусачая Крыса», – возразила она, сердито сверля глазами овощной салат, который подали на деревянной доске. Она с такой яростью ткнула в него вилкой, что кусок огурца соскользнул с края доски и упал ей на колени, где и лежал, глядя на нее снизу вверх, точно свежий зеленый циферблат.

Белые люди с политической грамотностью картофелин – квелые, пресные и с уклоном в ирландщину – внезапно ощутили потребность высказаться по поводу окружающей несправедливости. Такое случается примерно раз в сорок лет, обычно после очередного взлета популярности фолк-музыки. Когда фолк вновь входит в моду, люди массово вспоминают, что у них были предки, а потом – со значитель-

ным опозданием, – что эти предки сотворили много чего нехорошего.

Кино всегда действовало на нее успокаивающе, ей нравилось смотреть на тела, которые не ощущают свою телесность. Двигутся, не прилагая усилий, по кладбищам, даже в гору на самом крутом подъеме, носят одежду с мягкими бирками, от которых не чешется шея, к их помаде не прилипают случайные волоски – тела в небесах, где отсутствует трение. Они скользят друг по другу, как прозрачные слайды, мчатся верхом на любви живописно, будто на диком мустанге по прерии, их сексуальные сцены шелестят, словно шелковые блузки в глубинах шкафа, и они не чувствуют ничего – ничего из того, по чему она будет скучать в чистом синем пространстве.

Скошенной на морском побережье траве нет нужды осознать себя травой. меховое манто в фильме, снятом в 1946 году, не содержит даже намека на жестокое обращение с животными – настолько оно далеко от своих изначальных живых лисиц. Исключение составляют фильмы, снятые гениями. В них все пронизано болью чистого бытия собой. И еще одно исключение: едва заметные усики у актрисы, – от которых она никогда не могла оторвать взгляд.

«У меня для тебя невероятная новость», – сказал ей муж и сообщил, что их соседи снизу участвуют в реалити-шоу под названием «Южные оторвы», посвященном, как любое реалити-шоу, взаимоотношениям внутри компании близких друзей, которые ненавидят друг друга. Они с мужем за день посмотрели весь первый сезон, не веря своим глазам. У них под ногами все время шли документальные съемки. Что-то, сказанное ею самой – обрывок фразы или всего одно слово, – наверняка должно было проникнуть в нижнюю квартиру и попасть в запись. Играющий на повторе музыкальный альбом, тихий плач в ночи. Но нет, чем больше она смотрела, тем яснее становилось, что там нет и следа от нее: одинокой в своей неизбывной боли, с едва заметными усиками над верхней губой, запертой в своем умозрительном райском саду этажом выше, над вопящими, полными ненависти друзьями.

«Ненавижу этот искусственный член, – объявила она. – Всегда ненавидела. Завтра утром я первым делом вынесу его на помойку». Сегодня они им воспользовались для постель-

ных утех, и теперь он лежал на смятой простыне, лысый, противный и утыканный искусственным жемчугом.

«Тебе было больно?» – спросил муж с нарочито невинным видом, поудобнее устраивая на подушке свой точеный мраморный торс.

«Конечно, мне было больно! – выкрикнула она, размахивая у него перед носом искусственным членом, как какой-нибудь секс-дирижер. Член и вправду был слишком большим. И зачем его сделали с имитацией вен? Она не хотела никаких изысков вроде формы дельфина, но зачем делать вены на искусственном члене? – Представь, что эту штуковину запихивают тебе в задницу!»

«Но я не хочу, чтобы его пихали мне в задницу», – резонно возразил муж.

«Как будто если ты хочешь, то будет уже не так больно!» Ее фраза проплыла по комнате, словно непреднамеренный образчик мудрости – чистая, как свежевystиранное белье, с парусами, полными ветра. Да, она любила кричать, любила говорить невпопад, изрекать совершеннейшую бессмыслицу в глухие, тягучие ночные часы, что тарасились на нее, как идеальная публика в зале, и качали своими крошечными одинаковыми головами. Разве чуть раньше она не раскрывалась до максимальных пределов, разве она не стонала и не

повторяла *да, да, да* даже чаще обычного, когда муж записывал в нее эту жуткую штуку? Да, раскрывалась. Да, повторяла. Разве не обладает она исключительным правом пульсировать болью между ног? Да, обладает. Но ему все равно надо будет хоть раз испытать на себе эту страшную штуку с имитацией вен. Исключительно в образовательных целях.

«*Мужчины*», – сказала она, теперь удовлетворенная. Искусственный член вернулся в свою коробку. Года четыре назад она написала бы об этом большую статью для женского сайта под названием «Опасная Аманда» или «Брюнетка с амбициями», и ей заплатили бы 250 долларов, но теперь были лишь стоны, мгновения и мудрость под парусами. Теперь была только неповторимая ночь.

«Ты что... плачешь?» – спросил муж, бросив рюкзак на стул. Она уставилась на него влажным невидящим взглядом. Да, она плачет. Конечно, плачет. Почему не плачет *он сам*? Он разве не видел тот видеоролик о женщине, взявшей в питомцы увечную пчелу, и пчела тоже ее любила, а потом умерла?

Она поднесла чашку к губам, наклонила, отставила в сторону. Через пару секунд, оторвавшись от завораживающего чтения, она огляделась, но чашки нигде не было – ни на тумбочке у кровати, ни на полу, ни в складках белья на неубранной постели. Ее любимая чашка – с акварельным садом, сельским домиком с соломенной крышей и золотым ободком по краю – пропала. Она искала ее полчаса, с нарастающим ужасом, потому что гудящий зуд в правой руке создавал ощущение, будто она поставила чашку где-то внутри телефона.

Как минимум дважды в неделю ей приходилось смотреть на эти кошмарные картинки с младенцем гитлером. На его грязные черно-белые подмышки. Он был либо голым, либо в подгузнике. С усами или без усов. То на маленьком сером танке, то в кроватке в бункере вместе с еще одним младенцем в блондинистом парике. Потом кто-то входил в черную телефонную будку и мчался на черной комете обратно в прошлое, прямо к нему, а затем – хлесткий рубящий удар, или хруст сломанной шеи, или пунктирная линия летящей в цель пули. А дальше все просто: пятна красной глазури на марципановом младенце гитлере, и будущее не наступает. Страшные цифры стираются из списков погибших, полосы слива-

ются в единый цвет, плоть нарастает на кости. Вместо одной картофелины в неделю – нормальная регулярная еда. Но куда исчезает яростно-алое воодушевление, пылкое облако людского восторга, что подняло его на балкон, где он произнес свою первую речь?

это НЕ МОЯ америка, написала в портале одна милая женщина, и по какой-то причине она ответила:

черт, я согласна... не для того мы чеканим на четвертаках профиль джорджа вашингтона

Через месяц после выборов ее забанили на портале на сорок восемь часов за пост с фотографией, где она сидит на корточках и поливает своей менструальной кровью крошечную скульптуру из перекрученных коричневых ершиков для чистки трубок с табличкой «**ДЕРЕВО СВОБОДЫ**».

«То есть на этом снимке ты представлялась диктатором?» – спросил муж, и она велела ему не умничать.

Когда ее учетная запись восстановилась, она решила пока воздержаться от политических комментариев – *не пото-*

му, что словила бан, а потому, что уже обозначила свою позицию и к тому же потратила целых три дня, чтобы сделать хороший кадр с капающей менструальной кровью.

Каждый раз, проходя мимо специализированного магазина моделей поездов, она сжимала кулаки и говорила: «Это все из-за *тебя*»... И действительно, жизнь, как мы ее знаем, подходила к концу, потому что 160 лет назад – или сколько там точно – какой-то старый придурок, повернутый на поездах, изобрел эти самые поезда, потому что их еще не существовало. Чух-чух, мудила, теперь ты доволен?

Единственное, что объединяет нас всех, – наша безоговорочная уверенность, что во всех других странах люди едят совершенно немислимую еду; поклоняются богам, что прозрачнее стекла; складывают слова из самых бессмысленных и дурацких слогов вроде *гу-гу-гу-гу-гу-гу*; во всех других странах люди воинственны, но нисколько не благородны; они переправляют своих мертвецов не на тех лодках, воскуряют не те благовония к широким синим ноздрям, пресмыкаются и боятся всего; они не любят своих детей – не так, как лю-

бим их мы; открывают самые соблазнительные части тела и прячут самые обыкновенные; прикрывают члены ладонями, чтобы защитить их от потусторонних сил; их поэзия – дерьмо на палочке; они не почитают луну; крошат в жаркое мордочки наших домашних питомцев.

Почти каждый раз при смене часовых поясов она превращалась в собственную мать, школьную библиотечаршу с тихой склонностью к алкоголизму. Если бы мама была библиотечарем в *университете*, размышляла она. У меня был бы шанс воспринять правильные идеи.

«Поток сознания! – кричала она на сцене на Ямайке, где вода была цвета чистейшего аквамарина. Но вряд ли надолго, угрюмо подумала она. – Поток сознания давно был обуздан человеком, которому нравилось, когда жена пердела ему в лицо. А теперь представьте поток сознания, который не совсем наш. В котором мы с вами активно участвуем, мы его создаем, но и он, в свою очередь, создает нас». Кто-то из зрителей в зале зевнул, потом зевнул еще кто-то, и еще. И еще. Задолго до появления нынешних векторов мысли мы

уже были видом, склонным к подражанию себе подобным.

В Центре спасения диких животных в Мельбурне ей дали подержать крошечного кенгуренка-альбиноса, и у нее мелькнула такая мысль: возможно, люди чувствуют больше симпатии к этому конкретному кенгуренку по причинам белого шовинизма, точно так же, как, выбирая себе кота, мы охотнее возьмем кота с голубыми глазами? Есть над чем поразмыслить. И все же, держа в руках крошечного кенгуренка, она буквально физически ощущала, как у нее отрастает глубокий и эластичный брюшной карман: чтобы увезти что-нибудь контрабандой с этого континента, где луна ходит по небу в обратную сторону и где есть эскимо под названием «Голубая мечта». «Америка – очень расистская страна, да?» – спросил водитель такси по дороге обратно в город. «Очень», – сказала она и принялась объяснять, но таксист вскинул руку и покачал головой. «То же самое и здесь, – сказал он, – каждый день. Полиция всегда убивает этих людей, даже если они крадут что-то совсем уж пустячное».

Она приехала на час раньше для интервью на Би-би-си в

надежде, что это как-то изменит мнение об Америке в лучшую сторону. «Вы бы... назвали... себя... англичанином?» – деликатно спросила она у журналиста, когда он провел ее в студию, охлажденную кондиционером, потому что она никогда толком не понимала, кто должен быть англичанином, а кто нет.

«Под дулом пистолета, наверное, да», – ответил он, дохнув на нее потоком горячего ветра, и вскинул подбородок с видом одновременно обиженным и вызывающим. Она невольно попятилась, не на шутку встревожившись. Она сейчас совершила Брексит? В наше время довольно легко совершить Брексит чисто по недомыслию или случайно. Она снова шагнула вперед и неловко коснулась его руки. «Не волнуйтесь, – сказала она. – Если такая угроза возникнет, то только в Америке и больше нигде».

Таксисты из других стран в последние пять минут их поездки обычно обязательно ей говорили, что диктатор по крайней мере всколыхнул застоявшееся болото. «Там у вас уже стало гораздо лучше, – ободряюще сообщил ей один из водителей, пока за окном полыхал закат, искрящийся по уголкам как уникальная экранная заставка. – Знаете, я заработал на этих выборах десять тысяч долларов. Знал, на кого

ставить. Сразу смекнул, что должно произойти. Никто другой не додумался, а я – да». Стало быть, что бы ни происходило, оно пустилось не просто по водам, а по морям.

Хотя еще есть надежда на молодежь. В европейском поезде она сидела в одном купе с очень юной чешской парой влюбленных, норовивших забраться друг другу в глаза, руки, рты. Каждые две-три минуты девушка подносила к губам руку своего парня и целовала его запястье, будто ела первую в новом сезоне клубнику, а потом изливала ему в лицо поток нежных, пронзительных слов на чешском. Она смотрела на них, и ее щеки пылали румянцем стыда, потому что в Америке не только закончился секс – восьмого ноября 2016 года, – но и сам английский язык, язык завоевателей, что крошил камни и использовал их как строительный материал, никогда не был способен звучать *вот так*, словно готовясь обрушиться в свои собственные, призывно распахнутые руины.

Революцию, размышляла она, глядя на юных влюбленных, поднимайте революцию, и они вдруг оторвались друг от друга, обратили к ней лица, как солнца, и улыбнулись.

Так не должно быть, чтобы, гуляя по мокрым улицам чужих городов, она вдруг явственно ощущала теплый, легко узнаваемый, разломленный-чтобы-выпустить-жаркий-пар-человеческих-душ запах хлеба из «Сабвея». Чтобы она узнавала его моментально и замирала на месте, чтобы они с мужем, радостно переглянувшись, слаженно выпевали слова: *ЕШЬ САМОЕ СВЕЖЕЕ*. Нет, так не должно быть, чтобы современная жизнь превращала нас всех во владельцев франшизы умозрительного «Сабвея».

Внизу, в баре отеля, холеная бельгийская пара из тех, кто всегда оформляют самую лучшую медицинскую страховку, предложила ей заняться сексом втроем, предварительно осведомившись, за кого она голосовала. «Прошу прощения, но мы вынуждены спросить».

Но где-то внутри, глубоко-глубоко, мы были все одинаковые, разве нет? Как раз нет. В Провансе какой-то мужчи-

на дожидался ее в коридоре, под дверью ванной на верхнем этаже, и, едва она вышла, он излился ей в рот, как фонтан нефти, как звенящий дождь из монет. «*Тпру!*» – сказала она голосом строгой наездницы, ее взгляд косил вбок – от молодого белого вина и неожиданной скромности дочери прерий. Но он трижды вздохнул, как Иисус, и снова набросился на нее. Да, подумала она, когда столетия дивергенции ворвались в нее, приняв форму человеческого языка, гребись все конем. Наверное, французы и вправду другие. Например, они знают, как поднять бунт.

«У меня ощущение, что, как белый мужчина, я не могу вообще ничего говорить, не рискуя кого-то задеть», – улыбнулся немецкий учитель, пригласивший ее к себе на урок. Трое его учеников полагали себя небинарными личностями, еще один переехал сюда из Техаса, так что она представляла его с лассо на поясе – скоро он станет мужчиной и не сможет вообще ничего говорить! В каком-то смысле она сочувствовала учителю, чьи волосы напоминали деталь от конструктора «Лего», но в другом – более конкретном смысле – она еще не отошла после банки дешевого немецкого энергетика, который выпила утром. «Единственный возможный ответ... значит, заткнитесь», – сказала она ему громче, чем собиралась, и подумала, господи боже, это *сколько* же там кофеи-

на? «Ой, нет. Уже звонок», – печально проговорил он, хотя она не слышала никакого звонка. Учитель нахмурился, глядя на нее, и смысл этого взгляда был вполне очевидным: она закончила все уроки по всему миру, и больше уже никому не позволено чему-то учиться – и особенно ему, учителю.

Недавно назначенный диктатором американский посол в Финляндии устроил ей экскурсию по своей резиденции. Он был помешан на Данте и заказал для своей личной коллекции набор шахматных фигур в виде исторических личностей, упомянутых в «Божественной комедии». «Но я их немного осовременил, – сообщил он с таким сладострастным самодовольством, характерным для дедушек-республиканцев в таких ситуациях. – Добавил одного деятеля к плохим парням. Сможете его найти?» Это был Гитлер. «И одного деятеля к хорошим», – сказал посол, его лицо осветилось радостным ожиданием, как у президентской собаки. Она поглядела на доску. Это был – без вариантов – Рональд Рейган в ковбойской шляпе.

Что было делать с мальчишками? Что делать с мальчиш-

ками?

В Нидерландах она познакомилась с парнем, который теперь был марксистом, а раньше – *«криптофашистом, проводившим агитационно-пропагандистскую работу в даркнете»*. Как все фашисты, втайне он тяготел к покорности и больше всего на свете хотел обнимать женщину – столько времени, сколько она позволит. Он подхватил ее, стиснув в объятиях, чтобы продемонстрировать, как это будет, с поразительной силой и элегантностью; усадил ее к себе на колени и вздохнул с почти запредельным облегчением. «Ты доволен? Ты счастлив?» – спросила она. Он кивнул, как ребенок, еще не умеющий говорить, и вжался влажным лицом ей в шею. «У тебя такие мягкие волосы, – прошептал он. – Можешь сделать мне тоже такие же мягкие волосы, как у тебя?»

Женщина, сидевшая рядом с ней в самолете, читала – с той жадной стыдливостью, с тем бессмысленным усердием, что характерны для чтения в портале, – статью под названием «25 фактов о книге «Унесенные ветром», о которых вы не знали». Факт под номером 25 был предельно коротким: Отощавшая лошадь.

Кэрнс – святая земля, размышляла она. Воздух здесь гуще, свежее и полон гудящей роящейся жизни. Ветхие одеяния и старые кости, шелестевшие мимо нее. Костры со скворчащими над огнем котелками. Дымка взглядов, направленных в небо и отмечающих место для солнца. Рыжеватые коровы на другой стороне холма говорили друг с другом на своем языке, почти понятном: *жизнь, смерть, я переполнена молоком, зеленая трава*. Они говорили, что все-то и нужно, чтобы тебя запомнили навсегда, – два маленьких камушка, положенных друг на друга, и разве в портале мы не занимаемся тем же самым: складываем свои камушки друг на друга?

В Дублине все женщины до единой были похожи на ее маму. В Дублине все женщины до единой, наверное, и были как мама. Они были злыми, но именно так, как ей нравилось. Они готовили потрясающие овощные супы. Они смотрели на нее, прищурившись, словно она была одной из тех змей, которых святой Патрик прогнал из Ирландии, но она наконец-то сумела пробраться обратно. Я вас люблю, гово-

рила она вновь и вновь, выходя из их комнат, пропахших отсыревшей шерстью. *Я вас люблю вместо прощайте.*

Она вошла в парк Сант-Стивенс-Грин, и новая книга коллективным потоком сознания потекла к строгому бюсту Джойса. Парк был таким влажным, что представлялся плещущейся глубиной, куда можно было нырнуть и вынырнуть на другой стороне. Она сделала снимок, с каплями дождя на линзе, и выложила в портал. А потом, потому что причуды по-прежнему свойственны человеку, она наклонилась к уху статуи и легонько причмокнула губами, словно пустила ветры.

В ту ночь, в гостиничном номере, они с мужем забрались в постель по разные стороны кровати, и внезапно их брак обрушился в зазеркалье: лицо мужа вдруг сделалось слишком большим, их губы стали чужими, и, когда муж попытался поднять правую руку, чтобы к ней прикоснуться, он поднял левую. «Нет, – воскликнул он через минуту. – Так не надо! Мне нужна правая, правая, правая!»

В археологическом музее они вышли из зала с воздушным чеканным золотом и вошли в продубленный сумрак зала с болотными мумиями. На информационной табличке было написано, что у одной из мумий срезаны соски, поскольку в древней Ирландии соски короля считались священными, и подданные сосали их на церемониях в знак покорности и подчинения. Маленький мальчик стоял перед витриной и плакал, его старшие братья смеялись. Указательный палец болотной мумии был приподнят, словно она собиралась отправить пост в Сеть. Темно-коричневый торс без сосков корчился в темноте; ему уже никогда не стать королем чего бы то ни было, разве что королем плачущего малыша.

«И что вы скажете вот на ЭТО?» – спросила женщина в Новой Зеландии, показав ей вырезку из «Дейли телеграф», явно заветную и бережно хранимую. Там было написано, что один из восьми современных молодых людей ни разу в жизни не видел корову.

На острове Скай они с мужем ели норвежских омаров в ресторане с видом на серый скальный хребет с маяком на самом кончике мыса и смеялись над толпами туристов, которые так упорно стремятся увидеть маяк, где бы ни оказались. «Они везде одинаковые, – прошептал муж. – Маяк, он и в Африке маяк». Но позже, когда она взяла выходной на портале, чтобы посвятить вечер чтению Вирджинии Вулф, она поняла, что это, наверное, он и есть: тот маяк, к которому семейство из книги плывет на последней странице. Точно ли на последней странице? Или книга заканчивается на том, как они с мужем ломают красные панцири милых морских созданий, ничем не отличающихся друг от друга, и смеются над теми, кто движется непрерывной упорной волной на маяк?

«Ваше внимание священно», – сказала она студентам. Телефон непрерывно гудел у нее в заднем кармане, потому что сегодня утром ее давняя шутка об одном флоридском политике, который «чуть не скончался во время предвыборной операции по удалению совести», вновь привлекла к себе

пристальное внимание. «Это душа растрчивает себя в мире», – продолжала она. Потом на секунду закрыла глаза и увидела что-то другое, и рассказала студентам об удаленном монастыре, который она посетила в прошлом году. Он выходил окнами на поля свежей лаванды, и гладкие молочно-белые слизни сползались к нему, как пилигримы, сквозь струи дождя, и внутри была комната, глубоко под землей, где каждый вечер собирались монахи, чтобы в тишине читать Священное Писание. Они садились в кружок в этом прохладном подвале, склонялись друг к другу тонзурами и читали. Пол был чуть скошен и, казалось, стекал в один призматический белый угол, вонзавшийся в мир идеальным кристалльным копьем; он не должен был быть таким плотным и твердым, но все-таки был, в этом месте, где люди безмолвно читали священные тексты.

– Идеальный политик! – кричала она в горячий микрофон в публичной библиотеке. В начале недели ее слегка раскритиковали за недостаточное понимание гражданской войны в Испании, и обида не улеглась до сих пор. – Идеальный политик воплотится на Земле в образе енота с запаршивленной мордой!

Каждый день появлялись новые доказательства, подтвер-

ждавшие, что диктатор пришел к власти благодаря *порталу*. Это было как-то унизительно. Как если бы мы вдруг узнали, что тайной причиной войны во Вьетнаме были радиолобительские трансляции или Наполеон принимал стратегические решения исключительно по советам говорящего попугая по имени Брайан.

Некоторые ее соотечественники с радостью вновь полюбили Россию. Другие категорически не желали даже думать в ее направлении. Потому что холодная война до сих пор вызывает чувство неловкости.

Не только идеология, но и джинсы.

В отличие от ее поколения, которое посвящало почти все свое время в Сети изучению кодов, чтобы добавить корявенькую анимацию с бабочкой на фоны своих сетевых журналов, следующее поколение только и делает, что отпускает дурацкие ксенофобские шутки, чтобы потом посмеяться над идиотами, которые принимают их шутки за чистую монету. Но со временем шутки и вправду становятся чистой монетой, и в итоге все завершается неприкрытым нацизмом.

Неужели так всегда и бывает?

Историки будущего не найдут объяснения нашему поведению, кроме разве что – помяните мои слова – массовой вспышки эрготизма, вызванной спорыньей в ржаной муке.

Каждый раз, когда в новостях появлялось что-то такое, ей опять снился все тот же сон: сон, в котором насильник был с нею нежен. Он лежал рядом с ней на постели и говорил тихим голосом, и она понимала, что это просто какое-то недопонимание, стиравшее – невыносимо бережно и мягко – что-то внутри ее тела, и тело как бы отделялось от разума. А когда все заканчивалось, они вместе скользили в пространстве сна, как самые близкие люди на всей Земле, хотя никто этого не понимал, и друзья и родные тарасились на нее с потрясенно отвисшими челюстями.

Слово «*токсичный*» обрело новый смысл и уже никогда не вернется к своему изначальному значению. Это как с чело-

веком, когда он становится знаменитым. Он больше не сможет нормально поесть свой любимый кобб-салат в ресторане как рядовой обыватель – теперь в каждом кусочке для него будет присутствовать осознание собственной исключительности. *Токсичный. Лейбористский. Дискурс. Нормализировать.*

«Не надо нормализировать эту хрень!!!!!» – так мы кричали друг другу. Но все, что мы нормализовали, это употребление в новом контексте слова «*нормализировать*», звучащего как действие человека по имени Норм, который грозит окружающим лучевой пушкой и пытается превратить всех и каждого в такого же Норма, как он.

Когда появилась [caucasianblink.gif](#), гифка с моргающим белым парнем, ее взгляд читал движущуюся картинку слева направо, будто это не гифка, а текст на сто тысяч слов. Тоненькие невидимые нити, соединявшие человеческий глаз с человеческим глазом, человеческий рот – с человеческим ртом, дергались и тянули за мышцы ее лица, придавая ему вполне определенное выражение: она поднимала брови, запрокидывала голову и моргала вместе с картинкой. Иногда она издавала звуки, подходящие под движения лицевых мышц – приглушенный горловой гул или уханье, – добавлявшие к происходящему шепотку истинной драмы. Речь боль-

ше не шла об инфантильных обескураживающих вопросах вроде: видят ли разные люди один и тот же зеленый цвет. Теперь речь шла о том, какая именно мысль из разряда *«прошу прощения, Линда, но что за хрень ты сейчас произнесла»* возникала у нас в головах, когда белый парень моргал на экране и приглашал тебя принять участие в его закольцованном бесконечном спектакле: еще раз, пожалуйста, хотя бы раз, ты – единственная, кто способен помочь ему оживить этот Шедевр универсального чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.